

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 93

Быкова А. С.¹

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО В ОЦЕНКЕ
АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА Э. КИНАНА**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Bykova A.S.

CREATIVE HERITAGE OF PRINCE SI SHAKHOVSKOI IN THE ESTIMATION OF THE AMERICAN HISTORIAN BY E. KEENAN

Bunin Yelets State University

Реферат: на основе работ американского ученого Э. Кинана изучается творческое наследие князя С. И. Шаховского, выдающегося писателя XVII в. Отдельное внимание уделено его посланию персидскому шаху Аббасу. Автор показывает мнение Э. Кинана относительно незаурядной личности князя и его писательской деятельности. Автор делает вывод, что Шаховской был одаренной личностью, имевший опыт как активный участник военных и дипломатических миссий. Шаховской - плодотворный, но малоизвестный писатель, традиционный в выборе литературных форм и идей для написания своих произведений. Самой отрицательной чертой князя как писателя, по мнению Э. Кинана, была склонность к заимствованию фраз из работ других авторов.

Ключевые слова: Э. Кинан, С. И. Шаховской, биография, личность, писатель, ссылки, сочинения, литературные формы, идеи.

Abstract: on the basis of the works of the American scientist E. Keenan, the author studies the creative legacy of Prince S. I. Shakhovskoi, an outstanding writer of the 17th century. Special attention is paid to his message to the Persian Shah Abbas. The author shows the opinion of E. Keenan regarding the prince's outstanding personality and his writing activities. As a result of the study, the author concludes that Shakhovskoi was a gifted person who had experience as an active participant in military and diplomatic missions. However, for his beliefs and the excessive courage of the prince many times sent into exile. Shakhovskoi is a fruitful but little-known writer, traditional in the choice of literary forms and ideas for writing his works. The most negative feature of the prince as a writer, according to E. Keenan, was the tendency to assign phrases from the works of other authors.

Keywords: works of E. Keenan, S. I. Shakhovskoi, biography, personality, writer, links, essays, literary forms, ideas.

¹ **Быкова Анна Сергеевна** – магистрант института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

«Бунташный» XVII век является переломным периодом в истории России, когда был сделан важный шаг от Средневековья к Новому времени [4]. Одним из важнейших показателей этого процесса было появление на исторической сцене яркой личности и, действительно, это время богато на выдающихся людей, оставивших свой след в истории. Проникновение в реалии жизни конкретного человека, несомненно, поможет нам лучше понять проблемы, связанные с историческим развитием Российского государства.

В последнее время биографии отдельных деятелей эпохи XVII в. активно изучаются, что связано не только с попытками популяризации истории, но с необходимостью по-новому переосмыслить роль личности в переломную эпоху, увидеть в их судьбе отражение своего противоречивого времени.

Среди ярких деятелей своего времени особого внимания заслуживает князь Семен Иванович Шаховской (около 1585-1653 гг.). Биография и личность этого человека столь значительны, что требуют отдельного специального и весьма объемного исследования [2; 3]. В представленной статье мы рассмотрим взгляды выдающегося американского историка Эдварда Льюиса Кинана (1935-

2015) на личность и некоторые сочинения князя Шаховского.

Эдвард Льюис Кинан – американский славист, крупный специалист по истории средневековой России. Как исследователя Э. Кинана отличала новизна подхода и смелость мысли. Часто в адрес ученого звучала не лишняя оснований критика. Не смотря на это его научные труды всколыхнули научный мир и заставили заново пересмотреть спорные вопросы прошлого России.

В этой связи представляется весьма актуальным понять мнение американского историка о князе С. И. Шаховском, которого он считал одним из самых выдающихся (если не самым выдающимся) писателей XVII в.

Как нам известно, С. И. Шаховской – князь, военачальник, дипломат, церковный и политический деятель, поэт, духовный писатель первой половины XVII в., агиограф, гимнограф [2; 3; 5; 6]. Потомок Владимира Святославича в 23 поколении, он родился в Москве в большой и влиятельной семье военных. Шаховской является автором нескольких значительных исторических сочинений, литургических писаний, эпистолярных текстов. Он малоизвестный, но весьма важный русский светский интеллектуал, страдавший от изгнаний за свои убеждения и

взгляды. Шаховской даже был отлучен от Церкви. По утверждению Э. Кинана, первыми документальными свидетельствами о его роде деятельности стали роспись за получение военной платы и отчет о ссылке «в Новгород, в мор» (1606 г.) царем Василием Шуйским без объяснения причины [6, р. 797].

Во времена Смуты Шаховской участвовал во многих военных кампаниях. В 1606 г., во время восстания Северских городов против Шуйского, он служил под Ельцом, где его постигла царская опала [1, с. 586]. В 1608-1609 гг. принял участие в сражениях с тушинцами. В начале 1610 г. он изменил царю Василию Шуйскому и поступил на службу к Лжедмитрию II, после отправился к королю Сигизмунду, от которого получил поместья. В 1611 г. находился в Новгороде во время взятия его шведами, но избежал плена и пришел под Москву в русское ополчение; еще до освобождения Москвы был отправлен боярами полковым воеводой в Торопец, откуда он вернулся в Москву уже после вступления на престол Михаила Федоровича Романова [5, с. 100]. Затем его послали вместе с кн. Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским под Смоленск. Шаховской участвовал во взятии Вязьмы, Белой и Дорогобужа [9, р. 798]. В 1613-1615 гг. он сра-

жался против поляков. Был ранен под Велижем и под Мстиславлем. В 1615 г., будучи послан с кн. Пожарским против Лисовского, подал челобитную, что он «заволочен со службы да на службу», за это подвергся опале и был сослан на Унжу (примерно 400 миль к северо-востоку от Москвы). В конце 1619 г. Шаховской женился в четвертый раз, чем вызвал недовольство патриарха Филарета [2, с.78].

1620 г. ознаменовался новой чередой несчастий. Сам Шаховской и его двоюродные братья были арестованы и приговорены к смертной казни (к счастью, Шаховскому казнь заменили тюремным заключением) за совершенное преступление против царя. В своих автобиографических «Домашних записках» Шаховской писал, что был отправлен «в опалу в чужом деле и того же году пожалован, взят к Москве» [8, с. 67]. Под «чужим делом» писатель подразумевает «великие вины», возведенные в 7128 (1619/20) г. на его двоюродных братьев - князей Матвея, Афанасия, Андрея и Ивана Шаховских, которые однажды, будучи в вечеру у Илейки Бочкина, разыграли опасное представление. Хозяин и гости затейным воровским обычаем назвали князя Матвея «царем». Последний же, вторя шутникам, именовал собравшихся своими «бояры». «За то

воровство», вскрывшееся в результате извета, незадачливых игроков «в царя» велено было казнить смертью, Шаховскому же смертный приговор заменили ссылкой «в понизовые города по тюрьмам» [8, с. 67]. Семен Иванович не имел никакого отношения к «беззаконию» родственников. «Моей худости и на Москве не было в те дни», - писал он позже в своем послании архиепископу Сибирскому и Тобольскому Киприану [9, р. 798]. Однако князя привлекли к ответственности и, по всей видимости, обвинили в недонесении и укрывательстве. С. И. Шаховского сослали в Тобольск. Примерно в это же время патриарх Филарет аннулировал его брак с четвертой женой.

В 1622 г. он переехал в Москву и поступил на службу к Филарету в качестве секретаря. В 1625 г. патриарх Филарет Никитич, считая Шаховского сведущим богословом и искусным писателем, поручил ему написать послание персидскому шаху Аббасу. В данном послании выражалась благодарность за переданную патриарху в дар святыню — ризу Господню.

В 1628-31 гг. Шаховской служил воеводой в Енисейске [9, р. 798]. После он около года прожил в Тобольске в ссылке. В 1632 г. С. И. Шаховской вернулся в Москву и за-

нял высокий пост при дворе. После смерти в 1633 г. Филарета положение Шаховских улучшилось. Все родственники Семена были освобождены из-под ареста. Шаховской снова сошелся со своей четвертой женой, имел двух сыновей; участвовал в ряде важных военных и дипломатических миссий.

В 1634 г. был с Ф. И. Шереметевым на посольстве за Вязьмой, на польском рубеже. В 1637 г. Шаховской отправлен в Польшу посланником, причем назван наместником Елатомским. В период 1638-39 гг. - воевода на Крапивне против крымцев [9, р. 798]. В 1639 г. Семен поступил на службу в Печатный приказ, занимавшийся печатанием «исправленных» литургических и полемических работ. Однако проработал Шаховской здесь недолго. В 1641-42 гг. он служил воеводой на Тереке.

В конце 1643 г. Шаховской был послан в Тверь, со многими стольниками и жильцами, встречать датского королевича Вальдемара. В конце 1643 г., исходя из политических соображений и в целях заключения союза между Данией и Россией, принц Вальдемар посватался к дочери царя Михаила Романова, Ирине. Князю Шаховскому по такому случаю поручили написать послание принцу с требованием принять православие перед вступлением

в брак [9, р. 799]. В завязавшемся богословском диспуте Шаховской высказал еретическое, с точки зрения правительства, мнение по вопросу православной женитьбы принца. Князя обвиняли в воровстве и еретичестве, в том, что он много раз говорил и в письме царю Михаилу Федоровичу писал о возможности брака между Ириной и некрещеным Вальдемаром. За это Семена сослали в Усть-Колу. Вместо ожидаемой милости, т. е. возвращения в Москву, его сослали еще дальше — в Сольвычегодск, позже в Томск [9, р. 799]. После окончания ссылок Шаховскому разрешили вернуться в Москву, где он и умер в 1653 г. в возрасте 70 лет [5].

Итак, Семен Шаховской пережил много испытаний. Из его автобиографических «Домашних записок» мы узнаем, что его жизнь — череда опал и ссылок. Однако в послужном списке Шаховского случаев поощрений — приближенности к царю, больше, чем опальных моментов. При этом самые «грозные» ссылки пришлись на последние годы жизни князя: опала 1644-1645 гг. в связи с несостоявшейся женитьбой принца Вальдемара на царевне Ирине Михайловне и в последствии ссылка в Сибирь. Возможно, здесь Шаховской создал свою автобиографию под названием «Домашние записки».

Описывая в них свою жизнь, озлобленный на все старый князь, на наш взгляд, утрирует «опальные» периоды. Ведь почти все его ссылки были кратковременными и особо не повлияли на карьеру.

С. И. Шаховской написал много произведений в различных жанрах. В этом отношении, пожалуй, ему не было равных среди авторов XVII в. Э. Кинан в своих работах призывает ученых уделить больше внимания сочинениям этого человека. Во-первых, поражает лингвистическая универсальность Шаховского. Он владел всеми тремя книжными языками Московии: книжно-славянским, канцелярским и эпистолярным [9, р. 800]. Во-вторых, Шаховской использовал широкий спектр литературных форм. Он написал ряд литургических и гностиологических текстов, кондаков и акафистов, сотни страниц прозы, формальных и неофициальных писем, стихов.

Э. Кинана считал С.И. Шаховского автором «Первого послания Курбского Ивану Грозному». Он якобы создал это произведение (адресованное царю Михаилу Федоровичу) между 1623 и 1625 годами. Затем в конце 1620-х или начале 1630-х годов (до 1633 г.), по всей вероятности, опять С.И. Шаховским была составлена первая версия «Послания

Ивана Грозного Андрею Курбскому», как ответ на «письмо Курбского». Затем кем-то, а может быть и самим Шаховским, была создана вторая редакция этого произведения. С этого времени эта аллегорическая переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским бытовала в образованных кругах русского общества. Затем, по замечанию Э. Кинана, в последние годы царствования Алексея Михайловича неизвестный автор, но весьма образованный человек, создал второе письмо Ивана Грозного. Несколько позже другой автор из той же среды написал тексты, известные нам как второе и третье послания Курбского, а также «Историю о великом князе Московском», которая была также приписана Курбскому [10].

Идеи Э. Кинана об истории «Переписки» интересны и спорны (он и сам признавал их только теорией), но, на наш взгляд, важно и другое наблюдение историка. Э. Кинан отметил, что «Переписка» носит аллегорический характер и представляет собой политический памфлет, отклик на важные события в истории XVII в.

Сегодня считается, что «Переписка» была составлена и отредактирована в XVII в. В результате редактирования разрозненных материалов, представлявших собой (реаль-

ные или вымышленные) послания Ивана Грозного и Андрея Курбского могло быть создано совершенно оригинальное произведение. Д. Островский показал, что в том виде, каком она дошла до нас эта переписка не могла быть памятником литературы XVI в. [9, p. 800].

Мы не будем подробно останавливаться на вопросе об авторстве переписки Ивана Грозного с Курбским, так как это займет слишком много места. Однако считаем мнение Э. Кинана по данному вопросу достойно внимания российских ученых.

Еще одну большую ценность представляют собой работы Шаховского о Смутном времени и «Слово о великом московском пожаре 1626 г.». Ведь, действительно, данные труды помогут историкам лучше понять описываемые здесь события. Но американский ученый не рассматривает подробно исторические сочинения Шаховского. Для своего исследования Э. Кинан выбрал тексты актуальные для темы 1000-летия христианства на Руси: Молитва Софии – Премудрости Божией, письмо Шаховского (написанное для Филарета) правителю Ирана шаху Аббасу, послание Михаилу Федоровичу по вопросу о браке между дочерью царя Ириной и принцем Дании Вальдемаром. В своих работах аме-

риканский ученый написал несколько комментариев к выше перечисленным сочинениям Шаховского.

Из работ Э. Кинана мы узнаем, что Молитва Софии представляет собой гимнологический набор, основанный на каноне празднику Успения, что, по мнению историка, создало значительную путаницу в сознании автора относительно значения «божией премудрости» [6, р. 801]. Э. Кинан пишет: «Кажется, Шаховской колеблется между каноническим понятием мудрости как ипостасным Логосом, вторым лицом Троицы и отождествлением Софии с Марией» [6, р. 801]. Но следует отметить гениальность автора в том, что он написал такой текст традиционным литургическим славянским языком, в Новгороде в 1611 г.

Возникает вопрос: как и где Шаховской приобрел знания, которыми в то время владели только монахи? Точного ответа на данный вопрос нет. Кинан высказал предположение, что он общался с Гермогеном, вторым патриархом Москвы, а также с Арсением Элассонским, который, вероятно, был близким помощником Гермогена. В качестве косвенного подтверждения тому ученый приводит знание Шаховского их писаний и использование этих сочинений в своих работах. Также, с точки зрения Э. Кинана, периоды изгнаний,

включая заключение в монастыре, предоставили возможность князю получить монастырское образование. Каким бы ни был окончательный вывод о Семене Шаховском, восхищает его плодотворная писательская деятельность.

Из статьи Э. Кинана «*Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy*» мы узнаем, что в ранних работах князя господствующее положение занимал культ девы Марии (например, мы видим это в письме шаху Аббасу), но с течением времени значение этого культа уменьшилось, в то время как на первый план вышла тема божественной мудрости; сохраняется также любовь к гимнологическим текстам [9, р. 802]. С позиции Э. Кинана, за чрезмерную любовь к слову и музыкальному творчеству Шаховского можно отнести к ренессансным гуманистам, что крайне необычно для москвичей.

Однако ни гимны, ни исторические труды не раскрывают так хорошо личность человека как письма. С точки зрения Э. Кинана, Шаховской - писатель-виртуоз. Он очень любил эпистолярный жанр. И сейчас мы обсудим два самых главных в его жизни письма, которые были адресованы главам государств. Также рассмотрим мнение Э. Кинана касательно данных сочинений. Первое из них – послание объемом в 52 стра-

ницы на очень богато украшенном славянском языке. Написано оно правителю Ирана шаху Аббасу с целью призвать его к принятию православия [9, р. 804].

Как пишет в своей статье Э. Кинан, в 1617 г. шах вторгся и захватил части Грузии, чей правитель, Теймураз, обратился к царю Михаилу Федоровичу за помощью [9, р. 804]. Царь написал Аббасу письмо с призывом прекратить грабежи грузинских земель. Шах Аббас прислушался к требованиям Михаила Федоровича и в качестве примирения обещал отправить в Москву добытую в Грузии чудотворную одежду Христа [9, р. 804].

По мнению представителей высшей власти Церкви, приобретение ризы Господней утвердило Москву как новый мировой центр православия. Более того, были зафиксированы местные исцеления. По такому случаю Шаховскому велели написать «Сказание», в котором рассказывалось о всех произошедших чудесах, а вскоре после этого – письмо Аббасу [9, р. 805].

Поговорим же теперь подробнее о содержании данного послания. Оно содержит бесконечные строки прилагательных и причастий, описывающих Бога – Троицу. Порой на протяжении всей страницы не встретишь ни одного глагола. Однако

имеются очень интересные художественные зарисовки. К примеру, когда Шаховской обращается к шаху так, как ровно двадцать лет спустя обратился к царю Михаилу Федоровичу при составлении послания Вальдемару: «О преславный царь!» [9, р. 806]. Есть некоторые примечательные строки приветствия, написанные как бы от лица Филарета: «Того всемогущего и вседержавного и видящего ... Божества ... ни начинаемого ни скончаемого ... иерея ... великопрестольного славянского языка нового Израиля, второго Рима ...прекрасно цветущего града Москвы...Смиренный Филарет...о Вашем благородии Аббасовского величества Бога молю и челом бью. Я,...скромный Филарет,...владыка этой всемогущей и всеобъемлющей и всеобщей...Божественности...без начала и конца...красивого цветущего города Москвы, второго Рима, нового Израиля славянского племени...» [9, р. 806]. Письмо продолжается в таком же сложном стиле. Шаховской поблагодарил шаха Аббаса за несравненный дар.

Можно только догадываться какое впечатление произвел Шаховской этим письмом при дворе молодой династии Сефевидов, отмечает Э. Кинан. Однако стоит выяснить почему при попытке уговорить шаха стать православным Шаховской

привел в пример Св. Владимира и Константина и уверял, что все его подданные будут рады крещению. Э. Кинан считает послание Аббасу довольно странным, несоответствующим по своему содержанию намеченным целям [9, р. 810]. Он верно отмечает противоречия послания.

Чтобы понять это письмо, американский ученый обратился к другому решающему повороту в отношениях Московии с католическим миром, а именно к моменту 1610 г., когда в целях восстановления политического порядка в стране группа бояр предложила королю Польши Владиславу занять свободный московский трон. Кинан отметил, что ключевым аспектом переговоров с Владиславом стало отношение его к религии. Многие москвичи настаивали на обращении короля в православие. Среди таких людей был патриарх Гермоген. В сентябре того же года он отправил польскому наследнику длинное и богато украшенное послание, в котором умолял принять православную веру в целях спасения московского государства от дальнейшей гражданской войны [9, р. 809]. По утверждению Э. Кинана, почти каждый процитированный им отрывок из письма Аббасу дословно повторяет текст из послания Гермогена Владиславу. Таким образом, именно польского наследника Гер-

моген призывал последовать примеру св. князя Владимира и принять православие [9, р. 810].

Э. Кинан в статье не проводит подробный анализ внесенных Шаховским изменений в послание, предназначенное для Владислава. Он лишь заметил, что оно систематически редактировалось. К примеру, Шаховской изменил приветственное слово в письме. Также убрал из текста отрывок, описывающий бедственное положение Московии в 1610 г.

Итак, мы немного ознакомились с историей написания послания шаху Аббасу. Теперь рассмотрим письмо Шаховского, адресованное царю Михаилу Федоровичу. Как уже говорилось ранее, оно касается вопроса о браке царской дочери, Ирины, с принцем Дании, Вальдемаром. Исходя из политических соображений, в начале 40-х гг. XVII в. Вальдемар посватался к Ирине. В связи с этим принц приехал в Москву, где его встретили с почетом. Российское правительство выдвинуло условия брака: принц должен был переехать в Россию и принять православие [9, р. 810]. Вальдемар не согласился с такими требованиями. Переговоры зашли в тупик. И тогда обратились за помощью к Шаховскому. Тот обещал написать Михаилу Федоровичу письмо по данному вопросу.

По словам Кинана, начинается данное послание с некоторых притч из Священного Писания: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем...; еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыбу всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон...» [9, р. 811].

Затем Шаховской приводит противоречащие друг другу библейские и исторические аргументы с целью доказать необходимость брака между Ириной и принцем Вальдемаром: «Написано, что моавитянин и язычник не могут войти в Храм Божий. Но не был ли Александр Великий эллином и разве он не вошел в Иерусалимский храм? Вы все же не хотите выдавать замуж свою дочь за иностранца? Конечно хорошо ее выдать за православного князя, но где же такого найти? Православных государств, достойных Вашего величества нет» [9, р. 812-813].

Далее Шаховской дает царю несколько советов относительно того, как заставить Вальдемара принять православие после вступления в брак: «Пусть для начала Вальдемар чтит нашу веру, признает поклонение иконам и соблюдает посты. Если после брака он не крестится, то Вы,

государь, сможете оказать на него давление, так как принц будет жить в Московии. Если же Вы не можете допустить брак без его крещения по политическим причинам, то скажите отцу Вальдемара, Кристиану, чтобы он заставил своего сына подчиниться...» [9, р. 813]. Данное послание послужило основанием для обвинения Шаховского в богохульстве и отступничестве. В результате, как уже говорилось ранее, его отправили в долговую ссылку. После смерти Михаила Федоровича новый царь приказал Шаховского предать сожжению.

Э. Кинан считает письмо царю Михаилу Федоровичу одной из самых лучших работ Шаховского. И, действительно, поражает его знание Священных писаний и в особенности храбрость, на наш взгляд, излишняя. Ведь отправляя царю такого рода послание, Шаховской знал, что рискует в очередной раз оказаться в ссылке или хуже всего - распрощаться с жизнью. По мнению Кинана, это человек «действия, воинской доблести, искатель тайны божественной и человеческой мудрости». Он написал большое количество произведений, в частности, исторических, где описывал происходившие в период его жизни события. Знакомство с данными сочинениями, возможно, поможет ученым понять

многие нерешенные вопросы, связанные с развитием России в XVII в. Однако не стоит считать князя Шаховского таким уж замечательным писателем. Не забываем, что по восточно-европейским меркам Шаховской был провинциальным и довольно примитивным автором. К тому же он не знал другого языка кроме славянского. Также добавим, что, несмотря на его любовь к богословию, князь не являлся професси-

оналом в этом деле. Э. Кинан в своей статье называет его обычным писателем, традиционным в выборе литературных форм и идей для написания работ. Изучив написанное Шаховским письмо Аббасу, американский историк также отмечает склонность князя к заимствованию фраз из чужих сочинений. И все же призывает научный мир уделить внимание трудам этой неординарной и интересной личности.

Список литературы:

1. Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб, 1905. Т. 22. С. 586-589.
2. Ляпин Д.А. «Всяко земное житие пара есть и сон»: время и обстоятельства написания С.И. Шаховским послания князю Д.М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 3 (11). С. 77-90.
3. Ляпин Д.А. «Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому» и политическая борьба в России в середине XVII века // Canadian-American Slavic Studies. № 52 (2018). P. 386-410.
4. Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018. 336 с.
5. Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 99-107.
6. Семенова Е.П.: Об источниках «Повести преславной» С. И. Шаховского // ТОДРЛ. М.; Л., 1986. Т. 39. С. 335-341.
7. Серова И.Ю. К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С. И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 338-346.
8. Шаховской С.И. Домашние записки // Московский вестник. 1830. Ч. 5. С. 61-70.
9. Keenan Edward L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. XII/ XIII. P. 795-815.
10. Keenan Edward L. The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the correspondence attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, 1971. 244 p.

References:

1. Korsakov D. Shahovskoj, knjaz' Semen Ivanovich, po prozvaniju Harja // Russkij biograficheskij slovar'. SPb, 1905. T. 22. S. 586-589.
2. Ljapin D.A. «Vsjako zemnoe zhitie para est' i son»: vremja i obstojatel'stva napisanija S.I. Shahovskim poslanija knjazju D.M. Pozharskomu // Vestnik Universiteta Dmitrija Pozharskogo. 2018. № 3 (11). S. 77-90.
3. Ljapin D.A. «Pervoe poslanie Ivana Groznogo Andreju Kurbskomu» i politicheskaja bor'ba v Rossii v seredine XVII veka // Canadian-American Slavic Studies. № 52 (2018). P. 386–410.
4. Ljapin D.A. Carskij mech: social'no-politicheskaja bor'ba v Rossii v seredine XVII v. SPb., 2018. 336 s.
5. Lukichev M.P. Novye materialy k biografii S.I. Shahovskogo // Issledovanija po istochnikovedeniju istorii SSSR dooktjabr'skogo perioda. M., 1982. S. 99-107.
6. Semenova E.P.: Ob istochnikah «Povesti preslavnoj» S. I. Shahovskogo // TODRL. M.; L., 1986. T. 39. S. 335-341.
7. Serova I.Ju. K voprosu o vlijanii «Letopisnoj knigi» na Povesti o Smute S. I. Shahovskogo // TODRL. L., 1990. T. 43. S. 338-346.
8. Shahovskoj S.I. Domashnie zapiski // Moskovskij vestnik. 1830. Ch. 5. S. 61-70.
9. Keenan Edward L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. XII/ XIII. P. 795-815.
10. Keenan Edward L. The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the correspondence attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, 1971. 244 p.